

Кот Басё

КИНЕСТЕТИЧЕСКОЕ

Краснодар
2010

* * *

Я СКУЧАЮ ПО НЕЙ, СКУЧАЮ, КРЫЛЬЯ РЕЖУТСЯ за плечами, лихорадит меня ночами, хоть бы имя ее забыть! Я теряюсь, теряю нервы, оказалось, что я, наверно, в этот раз — ведь бывает первый — без нее не умею жить. В Краснодаре светло и жарко, я гуляю по старым паркам, прохожу триумфальной аркой, как больной на рентген души, я звоню, проверяю почту, улыбаюсь другим нарочно, только эту задачку, в общем, не умею еще решить. Вот я маюсь в своем безделье, затянувшийся понедельник — и тянутся ему на деле до холодного октября, я сама ее отпускала, отдавала чужим вокзалам, да вот столько ей не сказала, что страницы теперь горят. Мне остались дела в наследство, как устроить все — неизвестно, говорят, что прощаться с детством мне пора бы пять лет назад, я по паркам скитаюсь кошкой, я запутываю дорожки, я держу ее на ладошке — и не знаю, что ей сказать. Небо смотрит в меня лукаво, небу весело, небу мало, мне до неба-то — три квартала, крылья хлопают на ветру, я иду напрямик к собору, на зеленые светофоры, мне казалось, что очень скоро, только чувствую — не умру. Здравствуй, Боженька, Авва Отче! Я соскучилась, между прочим, может, ты

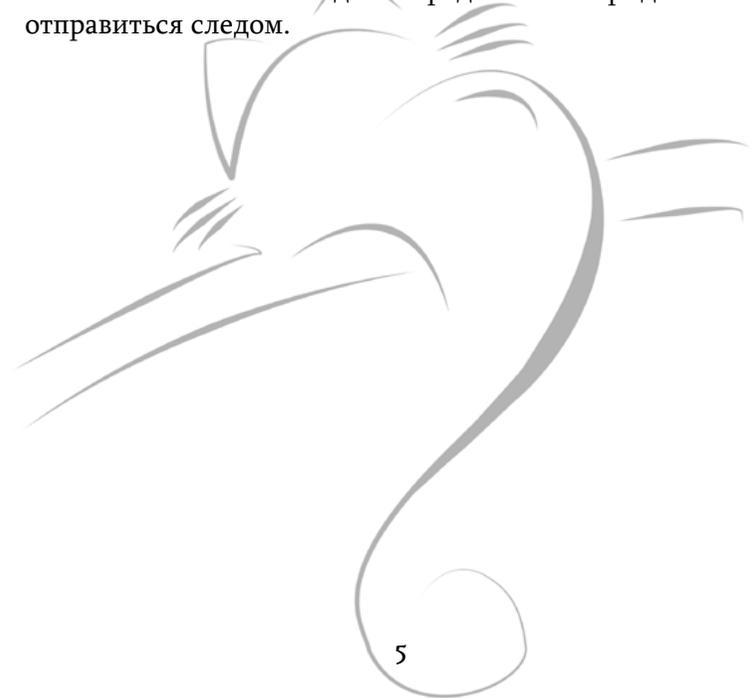
как-нибудь захочешь неумемной душе помочь? Мне навстречу прозрачный ангел, над свечою дымится ладан, ангел мне говорит: «Так надо» и с улыбкой уходит прочь, я смотрю в бесконечный купол, быть мне, видно, навеки глупой и ходить меж нарядных кукол неуклюжим смешным щенком. Что ж поделаешь, Авва Отче, Ты ведь Сам так решил — и точка, пробежаться бы хоть разочек мне под куполом босиком... Я скучаю по ней, скучаю, мы приучены, чтоб молчали, чтобы кто-то еще случайно не решил по ночам скучать, как бы мне разобраться с этим, роза высохла, солнце светит, я хожу по своей планете и не знаю, с чего начать.

Город тянет к прохладе крыши, мне фонтаны ладошки лижут, если ты вдруг меня услышишь — постарайся меня забыть. Я скучаю, еще скучаю, это сложно ведь поначалу, я ведь только теперь — случайно — без тебя начинаю жить.

* * *

Я ПРИСТАВЛЕНА К НЕЙ И ХОЖУ ПО ПЯТАМ, хоть и злая она, и не носит креста, и ругается яростно с пеной у рта, если тень мою где-то заметит. Я привыкла и нянчу ее без обид, я же к людям иду, если что-то болит, а душа ее, в общем, почти инвалид, хоть она не считается с этим. Я ей сказки читаю в висок по ночам, и мешаю серебряной ложечкой чай, и сдуваю неслышно пылинки с плеча, и желаю всех благ и здоровья. Это, в сущности, просто, и мне не впервой, я ее иногда называю сестрой, если только она не рыдает порой и не бредит дурацкой любовью. Вот тогда я сержусь и ее не люблю, вот тогда я сама от нее устаю, и зачем подложили мне эту свинью, лучше б дали кого поспокойней. Мне приходится пить с ней сухое вино, снова слушать на полную громкость «Сплинов», а потом открывать нараспашку окно и карабкаться на подоконник. И когда ей расхочется плакать и пить, она будет на небо смотреть и просить, чтобы дали ей крылья чуть-чуть поносить, полетать на свободе ночами. А я буду прохладой сентябрьской дуть и ложиться ей дымчатой кошкой на грудь, и показывать вечеру в комнату путь, и сидеть у нее за плечами. У меня и без

этого куча забот, только я провожу так который там? год и, хотя она мне отдохнуть не дает, я ее полюбила такую. Я скажу — и по комнате сны закружат, и она будет спать, чуть неровно дыша, и ресницы легонько во сне задрожат, если я ее вдруг поцелую. И пока она спит, я шагну из окна — рассказать все, о чем попросила она, я, вообще-то, ей так помогать не должна, но она же мечтала об этом... И я всем докажу, что нас надо спасти, пусть там ей подберут поудачней пути, только если ее что-то ждет впереди — мне придется отправиться следом.

* * *

ПАМЯТЬ КРУЖИТСЯ В ТАНЦЕ ДЕРВИШЕЙ,
Колокольчиками звеня.
Отыщите мне эту девушку,
Так похожую на меня.
Восемь жизней девятой — стоили,
Взгляд — насквозь. И душа — на взлет.
Я не помню конец истории.
Память кружится. Жизнь идет.

* * *

ТЫ ЛЮБИШЬ СЕБЯ.
Во мне.
Иногда — не более.
Я просто твои наркотики, анаболики,
полпачки снотворного, прочая ерунда.
А большего нам не выдержать.
Никогда.

* * *

Когда ты вернешься — все будет иначе,
и нам бы узнать друг друга...

Белая Гвардия

Ты не видишь меня в рваных джинсах и черной кепке, собирающей пыль остановок в ладонь сандалий, если белый бордюр — от подошв остаются метки, это как отпечатки пальцев — рисунок редкий, проявляющий все, от чего мы уже устали. Ты не видишь меня. Это все упрощает, верно? Это шанс навигатор сменить на простую карту. Я сумею забыть тебя. Тщательно. Непременно. Я отправлю свой мозг в Японию по обмену — пусть читает коаны семь дней в суете плацкарта.

Я не вижу тебя. Это точка. Больное место. Это рушит основы, но мне надоело помнить. Операция неизбежна, и если честно, мне самой давно отчаянно интересно навсегда из сердца вырезать треугольник. И когда ты вернешься, все будет иначе — так же будут рваные джинсы, быть может, на осень — куртка, дом

по-прежнему будет мой, девятиэтажный, только мне, пожалуй, будет уже не важно, что подошвы собрали гербарии и окурки. И когда ты вернешься, я встречу тебя улыбкой — мне теперь без сердца проще, намного тише, знаешь, кажется, я не хочу тебя даже слышать — я вот-вот получу диплом на своих ошибках.

Ты не видишь меня, потому что проходишь мимо, в ресторане берешь мое сердце себе на ужин, ты его теряешь — кольцом из кармана — в лужу... время все фиксирует. Жестко. Неутомимо. Я люблю тебя... Нет, я любила тебя когда-то, а теперь врачи запрещают такие штуки. Мне сентябрь дождями ласково лижет руки. Ты не видишь меня. Это правильно.

И не надо.

* * *

Билеты на поезд — и просто уехать в Сочи,
Где берег прострочен
Бусинами магнолий
И где, между прочим,
Птицы живут на воле
И даже зимой полно их —
Уже потому, что нет никакой зимы.
Есть мы,
Ползущие вверх по скалам,
Которые расплескала
Рассеянная Земля.
Вот ты. Вот я.
И море внизу — фольгой в жароупорной форме,
Туристы дельфинов кормят
Сумятицей голосов.
Песок
Из карманов сыпать,
Мы так и ползем по сгибу
Хребта. По бумажной складке
Тетрадки,
В которую пишет Бог.
Мерцающий огонек

Судам отмечает пристань,
Отсюда уходит чистым,
Пришедший в своей беде.
Тебе —
Спасибо,
Просто невыносимо
Здорово видеть это — вот так, с вершин.
Мы спустимся — все решим,
Решим и себе, и прочим,
Под чайный злой галдеж...
Ну что ж.
Он скорый — и значит, точен.
Я снова приеду в Сочи.
Ведь ты меня когда-нибудь позовешь?..

* * *

Да, так проще, удобней, спокойнее по ночам, нет ни лишних вопросов, ни маятника в висках. Знаешь, если однажды вовремя замолчать, то потом не придется жалеть о своих словах, знаешь, если однажды вовремя отойти, то потом не придется думать, куда бежать, жизнь для истины выбрала самый простой мотив — ля мажор, безусловно, бери его, так держать. Да, так проще, удобней, спокойнее, наконец, старый Ошо об этом давно написал тома... Ты же веришь мне, милая? Веришь мне? Молодец. Это правда единственный шанс не сойти с ума.

* * *

Мне не надо спать с тобой, чтобы сниться, мне не надо греть тебя, чтоб растаять, мы уже не сможем освободиться — ждем, а вдруг когда-нибудь перестанет, вдруг отпустит, сделает, как обычно, как нормальные люди, которых больше, мы с тобой встречаемся — и привычно обреченно копаемся в нашем прошлом, мы глаза опускаем, когда, краснея, вспоминаем то лето — ни в чем не каюсь... Только мы по-прежнему не умеем жить вот так, случайно, пересекаясь, мы не верим сами себе, из книжек узнавая правила взрослых сказок... Обними, держи меня — крепче, ближе, понимай, принимай меня — всю и сразу, выпивай до конца, разрывай на части — руки сомкнуты, круг в темноте очерчен...

То, что ночью было попыткой счастья, утром станет просто попыткой речи.

* * *

И НЕ БЫЛО ОТ ТЕБЯ ЗВОНКОВ, и мы не виделись — дни и годы, и мы привыкли, что так — легко, и взяли это — в привычку, в моду, себе в уме, намотав на ус, назло, на вечную, в общем, память, и кто сломается первым — трус, а кто ломает — решайте сами, и мы пошли, как поток машин — один налево, другой — направо, сломались... Только вот не решим, кто окровавленный, кто — кровавый, кто потерял нас, а кто нашел, игра запутана, проще — выйти. И мы не видимся, хорошо?

— Привет, мой Марс! — Не скучай, Юпитер. — Ты как? — Как ты... Все одно — одно, перелицовано, нераздельно, и мир вот-вот полетит вверх дном — и небо станет для нас постелью, и мы сойдем наконец с орбит, чтоб пересечься — хотя бы взглядом...

Ведь только мертвое не болит, а мы живые — и мы не рядом, и мы не виделись — сотни лет, что люди скомкали в две недели, и память — вечно — кровавит след, как сами, глупые, захотели, жизнь, раздвоившись, течет рекой, почти по-невски — в гранит одета...

И не было — от тебя звонков.

И не было — от меня ответа.

* * *

КРУЖИСЬ, МОЯ ЛЕНТОЧКА, ДЫШИ, МОЯ ДЕВОЧКА, гори — между ветками хвостиком беличьим, лети — между тучами солнечным лучиком, я так по тебе невозможно соскучилась, танцуй с моим обручем — выше, чем, больше, чем все то, что нам раньше казалась безоблачным, играй с моим мячиком, бей его, прячь его, тайфуном орбиту земную раскачивай, пари, моя, светлая — снами рассветными, скрывайся от глаз любопытных секретными, звени, моя ясная, звезды разбрасывай, я буду ловить их — куплетами, фразами, бросайся обидами, лезвием бритвенным — я буду растерзана этими ритмами, я буду распластана — нервами, нитями, квадратным, кровавым, ковровым покрытием — под ноги тебе, для тебя, от тебе же все, всю дюжину месяцев — первым подснежником, последним атлантом, под небо вмурованным, бери, моя девочка, — это же здорово, это же смысл всего настоящего, мы нераздельны — виденья и спящие, горы и море, слова и подстрочники, мы сами своих откровений источники, нам нечем исправить, загадывать — нечего... Дыши, моя девочка, сердцем просвечена, в крылья очерчена, ветром обласкана, кружись, моя ленточка, змейка атласная...

* * *

И любовь наречет эту ночь именами
Цвета наших с тобой обнаженных тел...

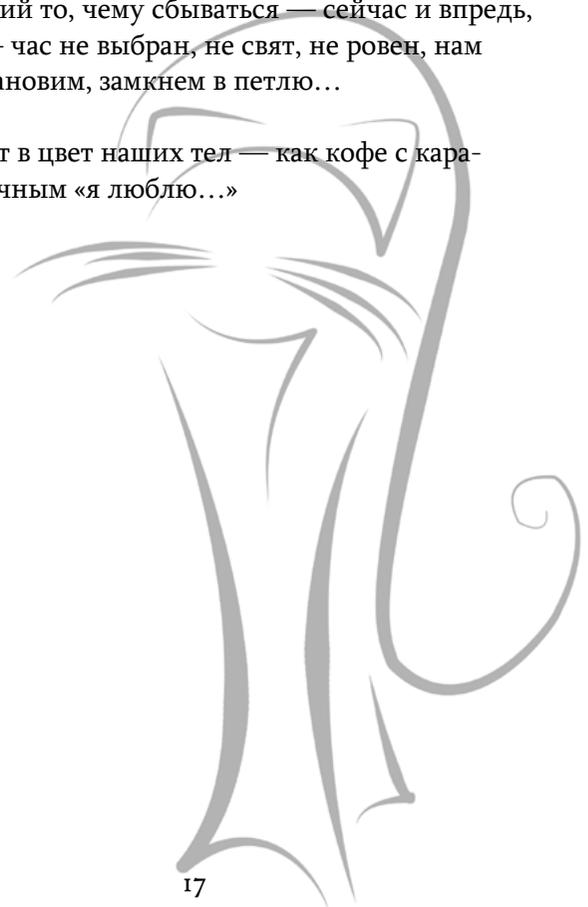
Поль Элюар

Только верь мне, ты слышишь, пускай ноябрь первым
снегом засыпал слова-пути, только верь — в Него и в
себя — хотя бы потому, что ты можешь меня спасти,
потому что все будет — и будет нашим, если этот —
последний — пройдем рубеж...

Только верь в наше небо над спящим пляжем, в небо
всех откровений и всех надежд, только верь — мы
заходим в знакомый поезд, направление: юг — гори-
зонт — тупик, и, о прошлом больше не беспокоясь, едет
твой — или мой — золотой двойник, и выходит — к
заброшенной шкуре моря, и разводит костер у косма-
тых брызг... Только верь — и ты вспомнишь: нас было
двое, прирученной кошкой лежала рысь на твоих коле-
нях, дразнили пальцы мои нервы-кисточки на ушах...

На закате лучше всего купаться, погружаясь медленно,
не дыша, выходить нагими к огню и греться, от живот-
ной нежности чуть звереть... Только верь — мы рисуем
из ретроспекций то, чему сбываться — сейчас и впредь,
только верь — час не выбран, не свят, не ровен, нам
решать — остановим, замкнем в петлю...

Эта ночь будет в цвет наших тел — как кофе с кара-
мельно-сливочным «я люблю...»

* * *

Да, это больно. Да, это очень больно. Это костры французов в первопрестольной, это с церковей летящие колокольни, над Хиросимой — ядерная зима. Да, это страшно. Да, это очень страшно. Это сегодняшний день обогнал вчерашний, так в заключенных стреляет дозорный с башни, чтобы проверить, не сломан ли автомат. Да, это жутко. Да, это очень жутко. Так в остановку на скорости мчит маршрутка, это не черный юмор, а злая шутка, кем-то сто раз просчитанная в ночи. Это тяжелый, в спину летящий камень, как сопромат в обложке от Мураками, это как «no comment» и «no coming».

Это слова.

Пожалуйста, помолчи.

Просто сейчас я встану, вдохну три раза (глаза б не смотрели, да чувствую третьим глазом), я удалю все лишние сны и фразы, чтобы по жизни — весело, налегке. Дворцы и соборы сеткой опять закрою, а то, что разрушено — вылечим и отстроим, у нас — исторически — просто страна героев, нам не в новинку — замки да на песке.

Как на экзамене: ты провалился — выбыл, сам виноват — наделал, дурак, ошибок, да, а еще я хотела сказать спасибо за пресловутое «как закалялась сталь». Это цинично, неправильно, как обычно, это лисички над волнами держат спички, море горит — так странно и так привычно, что надоело...

Пожалуйста, перестань.

* * *

И ПОЧЕМУ МНЕ БОЛЬНО — потому что мои смешные плюшевые крылья подвешены во времени, в пространстве на острых до безумия крюках, я продолжаю никому не нужной историей, давно покрытой пылью рассказывать легенды дальних странствий для тех, к кому протянута рука. Я продолжаю путаться в предложениях для встреч, звонков, для собственных желаний, стирая недописанные строчки с пергаментных желтеющих сердец, я медальон, хранящий чей-то локон, как артефакт чужих воспоминаний, как документ, что сотни раз просрочен и выброшен архивом наконец. И почему мне больно — это время размеренно ползет по циферблату, царапая потертые деленья нелепой и отчаянной шкалы, я музыкант, покинувший свой Бремен, чтоб где-то стать отчаянным солдатом, чтоб променять любовь и вдохновение на торжество отравленной стрелы. И почему — да просто по сигналу инерционных нервных окончаний, еще не разучившихся не верить в твое — давно забытое — тепло, наверное, и смерти будет мало, чтоб сделать это бывшим и случайным, мне догорать — тебе судить и мерить. Мне будет больно. Но тебе — светло.

* * *

А ЧТО ТУТ ПИШЕТСЯ — ДЛЯ ТЕБЯ ЛИ И О ТЕБЕ ЛИ, тебе ведь нет никакого дела, прости, ma chérie, с тобой невероятно в одной постели, с тобой невыносимо в одной душе. А что там будет из-за тебя ли и не с тобой ли — такая мелочь, буковка, тонкий штрих, я привыкаю, но это чертовски больно — носить тебя осколочным там, внутри. А здесь не место, знаешь, таким подранкам, законы стаи — глотку перегрызут, меня лишают воли, свобод и рангов, но я продолжаю держать тебя на весу. И что тут пишется — мается, крепким чаем так запивается, что до утра не спать, я все с тобой отчаянно получаю, чтоб все тебе — отчаянно — отдавать, а что там будет — там нас не будет рядом, невыносимо, невероятно, факт. Я привыкаю, просто мне больше надо времени, чтоб навсегда забывать слова, которые все — для тебя ли и о тебе ли... Сегодня я снайпер, завтра — твоя мишень. С тобой — невероятно в одной постели. С тобой — невыносимо в одной душе.

* * *

Если знаешь истину — научи. Посмотри внимательнее в глаза. Я пишу в пустоту — пустота молчит. Значит, просто нечего мне сказать. Значит все, что дорого для меня, для нее не стоит и пары фраз. Новый год придет календарь менять — заодно, шутя, поменяет нас. Я приму, как данность, с ее руки тишину, которая — ни о чем. Я устала плавиться вопреки — мне внутри действительно горячо. Если я говорю: это боль — болит. Если я говорю: это страх — боюсь. Я — безумный, рисующий текст Дали, я страдающий — минус, бессмертный — плюс. Я могу корабли в океан листа отпускать, рукой умирять шторм... В горизонт упирается пустота — обжигающим вечным полярным льдом. Я устала верить, что я нужна для чего-то большего, чем дела. Мне к стигматам прошлое прижимать... Ошибайся в тысячный раз, Пилат! Ты поймешь — дорога ведет к луне, но опять — неизбежно — свернет к кресту. Я просила так мало — ответить мне...

Пустота, зовущая пустоту.

* * *

А по городу ходит грипп, собирая дань. А по городу ходим мы, презирая грипп. У меня к тебе обычная ерунда — просто вирус хронической нежности там, внутри. На витринах рисуют снежинки, которых нет и не будет, пожалуй, где-то до февраля. У меня для тебя знакомый уже сюжет, кем-то так гениально расписанный по ролям. Это вечер субботы выпал таким числом, за которое в школе — биться, идти к доске.

У меня к тебе — обычное ремесло. Полстраницы. Выдох. Точка. Пробел. Escape.

* * *

Состояние — Вавилон, откровение — как печать, знаешь, как это тяжело — столько дней о тебе молчать? Пусть во мне суета сует разноцветной толпой пестрит, башня строилась столько лет, чтоб сгореть у меня внутри, в каждый камень вмурован грех — первородный инстинкт тебя, вязью выписан на ковре день, в который он был распят, день, в который он стал для нас недоступен — недопустим, не бери моего вина, я прошу тебя, отпусти, я блудницей у ног твоих отмолю для себя покой, сделай сердце мне — без любви, тихим городом над рекой, пусть не знают мои дома шума этих хмельных страстей, состояние — вне ума, состояние — на кресте, как стояние — под крестом с губкой в уксусе на копье...

У меня для тебя престол — преклоненных моих колен, у меня для тебя — наклон слуха, больше, чем у иных. Состояние — Вавилон, априори — не спасены, Апокалипсис — а пока... нам отпущен какой-то срок, этот город — под облака — у твоих засыпает ног, все богатства его сторон, все несметные чудеса я тебе положу в ладонь, не умея тебе сказать, не умея тебя

спасти, не желая спастись — тобой, я согласна на суд идти твоей пленницей и рабой, я согласна страдать за все несвятые твои мечты... Босиком по твоей росе, загореться — и не остыть, полюбить тебя и пропасть, небо пеплом заволочло...

Расстояние — пара фраз. Состояние — Вавилон.

Кинестетическое

У ТЕМНОЙ КРОМКИ, У САМОГО КРАЯ ТЕЛА, где начинается аура — первый слой — ты проявляешься сутью, как ты хотела — нежной, неопытной, трепетной и незлой, ты остаешься в пульсации и движении — еле заметный, неуловимый ритм, и оголенным проводом напряженье вдоль позвоночника вытянуто внутри... знаешь, в пустыне ночью так видят змеи — чувствуют кожей бьющееся тепло... я никого так явственно не умею. Мне ни о ком не пишется так светло. А за спиной — на фоне стены — неслышно тень отделяется облаком от тебя. Я научилась записывать, как ты дышишь — это силлабо-тоника, говорят, это война ударных и безударных, выдохи пауз — не замедляя темп, это слова играют, а мне казалось — я выбиваю свой бесконечный степ. Я не умею словами, не верю взглядам, я кинестетик, хилер и телепат, я проникаю в подкорку, когда ты рядом — интуитивно, образно, наугад, там нахожу ладонью больные точки, делаю светлыми коды чужих программ. И если

мы вдруг остаемся в пустыне ночью, то манна небесная утром дается нам. Любовь — это космос, у космоса — нет предела, он бесконечен, вечен, необъясним...

У темной кромки, у самого края тела тени сливаются, делая нас одним.

* * *

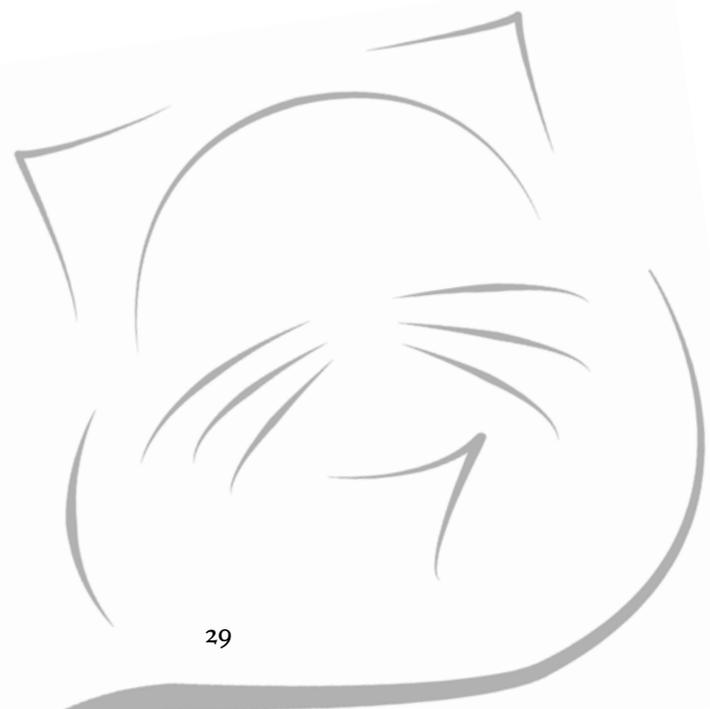
Говорят, это странно, это необъяснимо, это даже неправильно, пошло в каком-то смысле — выбирать себе в пару единственных и любимых по рассказанным в снах совпадениям прошлых жизней, по биению пульса, по раздвоенью эго, по делению мира на запятые дао... В этом городе даже зимой не дождешься снега, в нем зима дождем смывалась и пропадала столько лет, что привыкли, забыли об этом белом, облетающем небе — хлопьями кружевными... Это небо нас придумало, захотело — несерьезными, теплыми, нежными и живыми, на огромной кровати в маленьком городишке — нас, владеющих миром двух шоколадных плиток. Я люблю тебя, чувствую, знаю, читаю — слишком, потому что это — последняя из попыток обрести наше счастье, которое верит взглядам, ждет, когда наконец-то вырастет — поумнеем... Когда ты в тишине засыпаешь со мною рядом, ночь становится глубже, загадочней и темнее, ночь сплетает нам руки — в замок, в кольцевую повесть о глубинных основах наших реинкарнаций... Я могу возрождать все снова, не беспокоясь, чтобы утром от дыхания просыпаться...

Мы с тобой получили сотню предупреждений — научились любить честней.

Я услышу тебя за секунду до пробуждения,

когда с крыши

сорвется снег.

* * *

На вопрос: «Ты меня любишь?»
есть универсальный ответ: «Да, а что?»...

КОСНОЯЗЫЧИЕ СТАЛО УЖЕ ПРИВЫЧНОЙ ОПЦИЕЙ, неотъемлемым атрибутом будней и праздников... с ним так срослись, как будто от теплого слова зеркало разобьется, как будто оно предательски запотеет, когда облегченно поставят диагноз: «умер»... вопрос так банален — и потому безумен, что вызывает панику и смятение. Солнце, ты знаешь — я не умею в голос, я не имею права на многозначность, я ежедневно пытаюсь дышать иначе — и обжигаюсь тем, за кого боролась. Ты начинаешь думать о постоянстве, ты начинаешь искать маяки и гавань, я приношу всю нежность к твоим ногам и каждое утро тебе улыбаюсь: «Здравствуй». Я не могу просить — завещал Булгаков, подозревая, что сами-то не предложат, все мои тексты пульсом живут под кожей — в них аритмия вызвана каждым знаком. В них есть вопросы на все твои не-ответы — к счастью, ты никогда их не задавала, мы не умеем просто

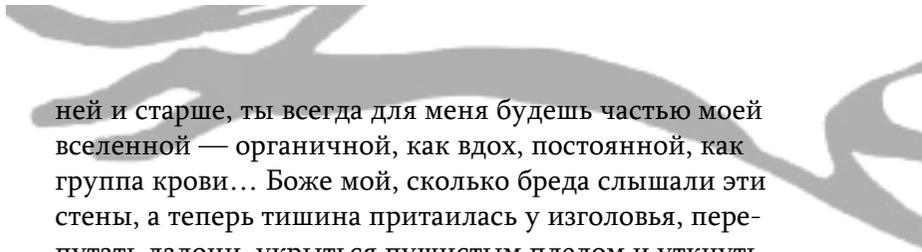
начать сначала и не способны даже жалеть об этом. Мы посмотрели сотню забытых фото, мы записали парочку новых песен, мир оказался мал, предсказуем, тесен и ограничен следующим поворотом. Мы остаемся скованы страхом смысла — латентные мазохисты и наркоманы, герои всех невыученных романов, которые дедушка Фрейд облакает в мысли. Мы никогда не признаемся — это повод не отрекаться и не любить без фальши...

А хочешь, я расскажу, что случится дальше? Мы будем обедать где-нибудь полвторого — цезарь с креветками, чай с шоколадным кексом. «Ты меня любишь?» «Может, а что такое?..» К счастью, я знаю, как тебя успокоить — «Нет, ничего.

Это не интересно...»

* * *

ЭТА СТРАННАЯ, ТЕПЛАЯ НЕЖНОСТЬ на темной кухне, отражение свечки прячется в чашке с чаем, и так тихо, что кажется, небо в ладони рухнет вместе с теми словами, что раньше не прозвучали. Первый раз я не спорю, не делаю все серьезным, отдавая себя, получаю весь мир в награду. Может быть, это я окончательно стала взрослой. Может быть, это ты наконец-то сыграла правду. Эта ночь накануне сочельника — очищением от всего, что успели друг другу когда-то выдать. Если любишь, не знаешь милости и прощенья — потому, что не знаешь гордости и обиды, потому что умеешь молчать обо всем так просто, что не нужно долгих, путаных объяснений... Ты окно открываешь, пускаешь морозный воздух, и январь, словно кот, запрыгнувший на колени, и светло, несмотря на часы — на которых полночь, снег лежит отраженьем луны, фонарей и неба... Кто-то, посланный свыше, приходит опять на помощь. Никогда ни о чем не жалею, ничего не требую, никогда не забудь, через что проходили раньше, научись сохранять все, что дорого, всех, кто важен... Я люблю тебя — слабой, искренней, настоящей. Ты всегда для меня будешь лучше, силь-

ней и старше, ты всегда для меня будешь частью моей вселенной — органичной, как вдох, постоянной, как группа крови... Боже мой, сколько бреда слышали эти стены, а теперь тишина притаилась у изголовья, перепутать ладони, укрыться пушистым пледом и уткнуться в плечо, в запах лайма и теплой кожи... Наконец-то мы просто и честно молчим об этом. Наконец-то мы просто и честно все это можем.

Lost and Delirious

... мы умеем летать...

Я НЕ ЗНАЮ ЗАКОНОВ ЛОГИКИ — мне плевать на чужие условности, глупые предрассудки, я твоим алкоголем вновь наполняю сутки. Я стою на карнизе. Кружится голова. Никогда не смотри на тех, кто забыт внизу, не обучен силе голоса и крыла. Ты всегда во мне пребудешь, всегда была, я держу твоё дыхание на весу. Я не помню правил, в правилах нет меня — не внесли в параграф — так, не сочли за труд... Сокол будет кружить — он летает, пока мы тут, пока мы не успели все это поменять. Сны поймает ловец, принесет нам издалека, перепутает снова тени на простыне... Каждый вздох запретным эхом звучит во мне, пока наши жизни связаны по рукам. Ты боишься тех, кто падал и не взлетел, ты пытаешься сделать клетку и в ней спастись... Я лечу к тебе на локоть — давай, свисти. Все возможно, если этого захотеть. Можно все предать — забвению, суете — кроме тех основ, что

делают нас собой. Я давно проиграла этот последний бой. Мне осталось — удержаться на высоте. Я стою на карнизе, видишь? Тебе решать. Небо соколу ближе, если не слышен зов. Мне отчаянно — наконец — не хватает слов...

Я люблю тебя. Это просто.

Как сделать шаг.

* * *

Я КАК TERRA INCOGNITA, новое государство — сам себя отыщи, завоюй, разделяй и властвуй, мне не выданы номер, герб, президент и паспорт, я последний уцелевший абориген. Я заложник всех колоний и резерваций, приучивший сердце больше не разбиваться, но природа продолжает сопротивляться, оживляя какой-то необъяснимый ген. Он мешает дышать, он, как вирус, идет по венам, подчиняя, стирая, делая чьим-то пленным, бьется током — неожиданно, как антенна, если ты ее надежно не заземлишь. Я спасаюсь горячим кофе, закрытой дверью, мантрой: «я не люблю, не хочу, не могу, не верю...»

Ты приходишь спазмом в левое подреберье, получаешь вид на жительство.

И болишь.

* * *

Если хочешь родиться — прежде всего, умри. И пришел огонь и выжег меня внутри, не оставил даже выгоревших руин, не оставил запаха гари, полосок дыма. Я чиста и пуста, как холодный античный храм, я открыта всем столетиям и ветрам, Герострат отсекся трижды — и до утра эту чашу пронесли — и снова мимо. А рассвет на небо вылил такую синь, что о большем нынче можно и не просить, жаль, не всем хватило совести и осин — и не всем хватило мужества верить вместе... У меня, ты знаешь, выдался новый день: солнце — тихий голубь, дремлющий на воде, если будешь меня искать — не найдешь нигде. Ты не будешь меня искать. Безо всяких «если».

И табличка «закрыто» висит на дверях в Эдем, там осталось наше прошлое и «Je t'aime» — поищи его транскрипцию перед тем, как собрать реквизит и достойно уйти со сцены. У меня над домом — птицы и облака, я спокойна, невесома и далека, я свободна — и не спрашивай даже, как.

Слава Богу, ты не знаешь Его расценок.

* * *

РЭББИТ СИДИТ И ДУЕТ НА КРЕПКИЙ ЧАЙ, ПЫТАЕТСЯ НЕ ЗАПЛАКАТЬ — ВОТ НЕ ХВАТАЛО, А ЕСЛИ ЗАПЛАКАТЬ, ТО КАК-НИБУДЬ НЕВЗНАЧАЙ, КАК БУДТО СОРИНКА ПРОСТО В ГЛАЗА ПОПАЛА. РЭБ ЗАПОЛЗАЕТ ПОД ТЕПЛОЕ ОДЕЯЛО, С КОТОРЫМ СОБИРАЕТСЯ ПОМОЛЧАТЬ. МИР ОБЪЯСНЯЕТ РЭББИТ, ЧТО ОН ЖЕСТОК — УПОРНО, КАК РЕПЕТИТОРЫ НЕДОУЧКЕ, ВРЕМЯ СКВОЗЬ ПАЛЬЦЫ ВЫТЕЧЕТ, КАК ПЕСОК, КТО-ТО СВОЕ НЕ ВЫУЧИТ И ПОЛУЧИТ СПРАВКУ, В КОТОРОЙ КУРСИВОМ — НА ВСЯКИЙ СЛУЧАЙ — НАБРАНА СУММА ПРОЖИТЫХ ЗРЯ ЧАСОВ. МИР ОБЪЯСНЯЕТ РЭББИТ ЕЕ ШАГИ — ДЛЯ КАЖДОГО ГИПСОВЫЙ СЛЕПОК, ЯРЛЫК, ПОМЕТКА, МИР ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ РЭББИТ ОГРОМНОЙ КЛЕТКОЙ — НА РАСТОЯНИЕ ВЫТЯНУТОЙ РУКИ. Я ОТДАЮ ЕЙ КЛЮЧ, ГОВОРЮ: «БЕГИ!». СЕРДЦЕ, КАК ШАРИК, ПРЫГАЕТ ПО РУЛЕТКЕ. РЭББИТ УСТАЛА БЕГАТЬ ОТ СУЕТЫ, УСТАЛА МНЕ ВО МНОГОМ НЕ ПРИЗНАВАТЬСЯ, ОНА ВО СНЕ ПЕРЕБИРАЕТ ПАЛЬЦЫ, ЕЕ СЛОВА ДОВЕРЧИВЫ И ПРОСТЫ. В ПЕСКАХ ЧУЖИХ БЕСКРАЙНИХ ЛЮДСКИХ ПУСТЫНЬ ВДВОЕМ НЕ ТАК МУЧИТЕЛЬНО ПРОСЫПАТЬСЯ. УТРОМ РЭББИТ ПРЯЧЕТСЯ В ВОРОТНИК, ГОВОРИТ «СПАСИБО», ГЛОТАЯ ТУМАН НА ВЫДОХЕ. ЭТОТ ГОРОД

другим сочувствовать не привык, он чихает на Рэббит дымом машинных выхлопов...

Из ее норы — одиннадцать верных выходов и двенадцатый — неисследованный — тупик.

* * *

Anno Domini/ Anno Satanas

ТЫ ПАЛИНДРОМ, ТЫ ВСЕ НАОБОРОТ ПРОЧТЕШЬ, и это не изменит сути, твой вечный Рим стоит — не обессудьте, и мир, как Рим, меня перевернет. Нам имена выдумывали те, кто сочинял богам головоломки, наш звукоряд идет по самой кромке — и эхом отдается в пустоте. В оперативной памяти — клубок случайных чисел, знаков и названий, но это имя — на фасадах зданий запомнил город, дышащий у ног. В его базальт глубокая латынь закована, как тайна в сердце храма, оно неподражаемо упрямо и бесконечно...

Впрочем, как и ты.

* * *

Я почти научился любить, не сгорая,
Но еще не умею любить безответно.

Александр Щербина

ВРЕМЯ ПИШЕТ СЦЕНАРИЙ, СТИРАЯ ПОВТОРЫ, я иду по кольцу гравировкой событий, продолжая любить вопреки приговорам, когда кто-то подпишет приказ «не любите», я иду в темноте, я держу, задыхаясь, каждый нежный изгиб, каждый маленький хрящик ... Я могу тебе выложить Вечность стихами, чтоб хотя бы минуту побыть в настоящем. В моих снах, как в архивах, пылится на полках фотохроника всех невозможных итогов, ты не знаешь, как это мучительно долго, ты не видишь, как это отчаянно много — собирать по крупицам, намекам и встречам — словно рваное облако штопает ветер... Я могу рисовать тебя так бесконечно — до мельчайших деталей на темном портрете, я молчу, когда ты исчезаешь бесследно, забирая надежду и ключик от рая...

Я почти научилась любить безответно.
Но еще не умею любить, не сгорая.

* * *

Ши похожа на волка — измученный и голодный, он готов бежать, придумывать что угодно, чтоб остаться неприкаянным и свободным, чтоб не стать добычей в очередной игре. Ши привыкла кусаться больно, скрываться быстро. Осторожно, умирая от любопытства — «расскажи мне о ней» — срывается, словно выстрел... Я готовлю ужин. Ши заключает: «Бред».

Ши петляет в мыслях, путая браконьеров: «Есть нормальные вещи — счастье, семья, карьера, можно хоть до утра без конца приводить примеры, можно хоть до утра... Расскажи мне о ней...еще...» Я смотрю на нее, и она не выносит взгляда — это слишком искрится воздух, когда мы рядом... Ши краснеет: «Не расскажешь, ну и не надо...» Взгляд опасен, невозможен и запрещен.

Я смеюсь, наливаю чай, достаю конфеты. Ши берет календарь, констатирует: «Скоро лето», Ши, конечно, нынче думает не об этом, но, конечно, не признается никогда. За окном февраль в последнем морозе замер. Мы сдаем один и тот же простой экзамен. «Я пишу — и море дышит перед глазами...» Ши сердито огрызается: «Ерунда!»

А потом звонит Она, приглашает в гости, мы болтаем о поэзии, личном росте... Крепкий чай у Ши становится в горле костью, она держит меня молчанием, как капкан. Телефон наполнен гулом чужих истории — мой эфир доступен, вычищен и просторен. Ши меня убивает взглядом — и я не спорю. Ши уходит, бросив скомканное: «Пока».

Ши рыдала б сейчас взахлеб, но всплакнет едва ли — ей на небе права слабости не давали. Ши пинает остатки снега, дерзит в трамвае, открывает дверь ломающимся ключом... Ши сидит в холодной комнате, пьет и злится. Ши свободна — и не может освободиться. У нее простое правило — не влюбиться. А влюбившись, не рассказывать ни о чем.

Ши похожа на волка — слабого, между прочим. Волк блуждает по кругу в худшем из одиночеств. Волка можно спасти, и он этого очень хочет, но боится приручения, как огня. Ши приходит ко мне, как всегда, без пяти четыре, словно в клетке, нервно мечется по квартире: « Я люблю кого-то, по-твоему, в этом мире?..»

— Одинокого волка, милая.

И меня.

Amantes sunt amentes

ВЛЮБЛЕННОСТЬ — ЭТО НЕ РОД НЕДУГА, а та волна, что идет по кругу — безумным вихрем сметать друг друга и засыпать, покорившись ей. Ad delectandum — быть просто вместе, готовить завтрак под «наши» песни, не знать бессмысленных «до» и «если», а верить — в каждый из лучших дней. Решить однажды, что боль растает, как снег, что ветром весна стирает, и мы случимся двумя мирами в одной системе координат. Amantes — хроника, одержимость, куда нас тянет непостижимо, мы проживаем в таком режиме игру, в которой нельзя назад. Пора признаться, пора ответить... Смотри, как яростно солнце светит, и мы идем по своей планете, и мы владеем своей весной. Давай придумаем краски ярче, чем те, что созданы для незрячих, наш мир — безумный, цветной, горячий, он ждет и светится... Ты со мной?

* * *

МЫ ОПЯТЬ НЕ ИМЕЕМ НИ ШАНСОВ, НИ ПРАВ — только выкрутить пробки и стать потемнее. Почему тебя нет ни online, ни in love, если я без тебя засыпать не умею? Позвони, расскажи мне забавную чушь — про невежливый ветер и злые трамваи, я тебя продышу, проживу, промолчу, я тебя удержу до рассвета словами — где-то в снах, от которых всего лишь черта остается под утро на смятой подушке... Иногда ты умеешь меня не читать. Иногда я пытаюсь об этом не слушать. Иногда нас разводят по разным углам, как детей, что уже напроказили слишком... А сегодня — сидеть без назойливых ламп, просто ждать, когда ты наконец позвонишь мне, в темноте вспоминать, как звучат голоса, как от счастья и нежности пальцы немеют...

Я б сама позвонила, чтоб это сказать, но ты помнишь — ни шансов, ни прав не имею.

* * *

Я иду — ПО СНЕГУ, ЗА СНЕГОМ И ВМЕСТЕ С НИМ, пропадаю в этой мающейся метели... Разве этого мы так судорожно хотели? Разве это нам оставлено? Объясни... Расскажи, почему я стою, разрывая грудь этим криком, который вряд ли кому-то слышен... Снег подходит бесшумно к самому краю крыши, он стоит за спиной, собираясь меня столкнуть. Если снегу смотреть в лицо — ощущаешь боль — невозможную, неизбежную, ледяную... Я сквозь слезы метель в стальные глаза целую — и снежинки спорят с ветром наперебой. Это просто пари — на меня — сколько хватит сил, ветер ставит на злость, а снег — на мою усталость... А меня почти безвыходно не осталось, да и выход будет слишком невыносим. Есть звонки и не-встречи, встречи и не-звонки, есть такие слова, от которых — мороз по коже... Все, кто должен быть ближе, искренней и дороже, оказались непростительно далеки. Вот такая нынче в городе пустота — снежный пепел после ядерной катастрофы. Я пишу на белом и не делю на строфы — я вообще не делю сознание. Никогда. Мой мирок оказался шариком из стекла — если шарик встряхнуть — сонный город скрывает вьюга... Когда

нам выдавали на небесах друг друга, мне казалось, я справлюсь... Видимо, не смогла. Прыгнуть в тихое море, сердце в снегу купать, замерзая в безразличии понемногу...

— Поднимайся, девочка, снег завалил дорогу. Кто-то должен это, знаешь ли, разгрести.

* * *

Они думают, что всеильны, им все ясней — говорят, хотим постичь, оставаться с ней, прорасти в нее бутонами по весне — через снег. Говорят, она такая — держи и будь, превращай ее в наложницу и рабу, засыпай, своим виском укрывая грудь — не забудь. Говорят, она проснется, заварит чай, поцелует тихо в родинку у плеча, говорят, к ней ходят ангелы по ночам — не встречал. Знаешь, люди вечно всякое говорят — у нее в глазах неведомые моря, а руками освящается все подряд — даже яд. Только я тебе — не слушай — не говорю, я смотрел, как вечер входит в нее, угрюм, словно пьяный матрос, шатаясь, сползает в трюм, к фонарю. И сидит в копящей, душащей полутьме, и бросает на потертые доски медь, и ребро монеты врет: ни тебе, ни мне — не суметь. Ты не верь, не слушай, встретишься — проходи, я смотрел, как режут душу в ее груди: пара вечных демонов хмурится позади и один печальный, светлый в глаза глядит — подожди. Подожди, пока минуют ее пути, у нее такое солнце внутри блестит, что тебе его не выдержать, не вместить — отпусти. Отправляйся — с миром, по миру, налегке, не держи ее слова у себя руке,

видишь: вены проступают на кулаке — по строке. Так она в тебя заходит, тебя берет, как корабль, укрывает периной вод, ты на дне, и так проходит за годом год — и пройдет. И захочешь выплыть — медленно, сам не свой, в трюме тени, словно волны над головой, и она тебя качает: я здесь, с тобой, милый мой. И ты веришь всем напевам, что говорят, прижимаешься к ней — и щеки твои горят, пьешь из рук ее, не ведая, все подряд — даже яд. А однажды ты очнешься на берегу, и песок в горсти — пристанищем кулаку, и не будет больше ни слова в твою строку — не могу. Не могу — она оставит простое «всё», приговор, который тихо произнесен, ты умрешь в песках, расплавлен и занесен... Ты спасен.

А, вообще, ты знаешь, странная вещь — молва. Я смотрю Ей в глаза и вижу: Она права. И Ее прибой обжигает — едва-едва. Как слова.

* * *

А у нас сегодня срывается дождь. На крик. А иначе никто не станет его жалеть. У трамваев люди высечены внутри, как рисунки в первобытной седой скале. Вдоль дорог гуляет ветер — пора теплеть, только он упрямый, северный, по глазам, и слезинки проявляются на стекле, словно кто-то их нарочно подрисовал. Так идут вагоны, медленно, как в кино, вот такой дождливый, странный палеолит. А у нас сегодня срывается все. С весной. Мы, пожалуй, даже сделали, что смогли. Посидели, улыбнулись, спросили, «как», помолчали и ответили «хорошо». За стеной пещеры слышится барабан — оказалось, это дождь на порог пришел. С ним явились злые духи слепых ночей, с ним явилась эта липкая тишина... Нам друг друга надо просто спросить: зачем? Так жестоко ...Надо. Просто. Друг друга. Нам.

Наша эра — приспособься и выживай в предвесеннем обострении бытия. Где-то в будущем этот город похож на рай.

А сегодня здесь срывается дождь.
И я.

* * *

Я чувствую миг, когда можно в тебя войти, когда ты во сне открываешь свои поля, а ты пребываешь во мне, как монах в пути по горным отрогам — к буддийским монастырям, я чувствую миг, когда нужно тебя спасти, стоять за плечом и видеть на шаг вперед, а ты просто смотришь молча в мои глаза, но сердце однажды вспомнит все и поймет. В физическом мире законы просты, как ноль, и так же бессмысленны там, где живет душа. Я чувствую время, в котором мы есть — одно, и нет ничего, что может ему мешать. Мое надпространство — в тебе, как гора Кайлас — порталом к другим измерениям и мирам... Монах повторяет мелодию древних фраз, идет на вершину и тихо заходит в храм.

* * *

ВЕТЕР С СЕВЕРА ГОНИТ ТУЧИ, и дождем караван навьючен, ветер холоден, стар и скрючен, он устал от такой весны. Дождь прольется над нашим домом, по нелепым законам Ома — мы устроены по-другому, то есть слишком напряжены. Силу тока пора уменьшить — чтобы не было в сердце трещин, по которым ясней и резче узнают не попавших в рай. Отрекайся, люби, как надо — добродетель, покой и правда — получай это все в награду, просто медленно умирай. Умирай — потому, что /слышишь?/ ты не хочешь подняться выше, стоя где-то под самой крышей, ты твердишь о родной земле, что считает тебя игрушкой — много лет никому не нужной, что жестоко снимает стружку, заставляя собой болеть. О земле, что давно не держит, что уже нарожала свежих, что тебя отпустила прежде, чем мы стали ее просить... Небо ждет, только ты боишься сделать шаг, оказаться ближе, ты упрямо стоишь под крышей, вызывая себе такси. Небо теплое, словно море, я теряюсь в его просторе, я не в праве решать и спорить, я не в силах сидеть и ждать. Крепкий вечер в бокале подан, тучи пьют дождевую воду, на войне за свою свободу мне приходится побеждать.

Моя армия — дождь и ветер, я одна здесь за все в ответе, я случилась на этом свете для того, чтобы вы смогли... По карнизам шагают тучи, караван темнотой навьючен, ты не знаешь, как будет лучше.

Ты не видишь меня с земли.

* * *

ВИДИТЕ, ДОКТОР?
У меня в подреберье — город.
Его узкие улочки водят закат по кругу,
на ратуше бьют часы... Приложите руку —
Вы услышите этот древний тревожный бой.
Что со мной?
Это лечится, доктор?
А ночью в нем слишком тихо.
Так обманчиво тихо, что можно почти поверить,
Что почтенные семьи покрепче закрыли двери,
Каждый смотрит свой сон под батистовым колпаком...

А потом
Раздается чуть слышный звон — перебором нот...
Доктор, послушайте! Это Она поет.
На площади у собора. Ей светит факел,
И танец, как скальпель, меня рассекает... Хватит!
Мне больно! Нельзя ли как-нибудь без ножа?
Конечно, никто Вам раньше не возражал...
Конечно, Вы доктор — знаете, как лечить...
Но купол собора — сводом моих ключиц,
И если случайно задеть этот нерв, то город...

Послушайте, доктор, черт с ним, что очень скоро, черт с ним, что мне придется сойти с ума...

С залива на площадь приходит густой туман, ложится у ног Ее серым лохматым псом. Доктор, зашейте мне сердце — наискосок, суровыми нитками, лишь бы оно стучало. Доктор, успеете — сумерки у причала, Ей возвращаться на площадь, а мне болеть... Бинт будет белым, как парус на корабле, к счастью, их нынче много стоит в порту...

Спасибо, доктор! Больше я не приду.

И раздается звон — перебором нот. Как нестерпимо больно Она поет...

Я бы давно уничтожила город — дома, мосты...

Но там у собора
ночью
танцуешь
Ты.

* * *

Равнодушие — это когда встречаются две равные души.
Им просто нечего дать друг другу.

МОЙ ГОРОД СПИТ НЕ С ТЕМИ, ждет не тех, на завтрак солнце — теплой свежей сдобой. А где-то Бьорк танцует в темноте, и если ты не чувствуешь — попробуй, считай шаги, дотронься каблуком до стертых досок перед эшафотом, послушай ритм, который так знаком всем отдающим жизни за кого-то, закрой глаза — наощупь, наугад иди вперед, не думая о точке... Такое утро — в фотоаппарат, на макросъемку — лопнувшую почку, зеленый дым над мундштуком ветвей, атлас листа, шифон цветущей вишни... В такое утро танцевать честней, чем притворяться в городе не лишней, чем сравнивать все то, что все равно не будет равным главному — друг другу ...

И Ларс фон Триер выключил кино, у эшафота даме подал руку — и замер танец, остановлен счет, и все свободны — городу навстречу...

И если он, ская, позовет — мне кажется, я даже не отвечу.

* * *

СНОВА С ТВОЕЙ ПОДАЧИ СЛУЧИТСЯ ГРУСТЬ, которую мне придется делить на части, и чередой глаголов, имен, причастий все превращать в изысканную игру, и вся наша боль опять обернется счастьем — с этим я завтра как-нибудь разберусь. Видишь ли, нынче время идет быстрее: мы же хотели по-взрослому — без морали, мы же о нашей избранности орали под каждой из пугающих нас дверей — и нам иногда приветливо отпирали демоны, которые похотей. Мы не жалеем крови — ее чернил хватит еще на пару томов «о важном», но этот мирок — наш странный, смешной, бумажный давно бы исчез в пустоте, растворился, сгнил, если бы я изменила тебе однажды...

Если б меня хоть кто-нибудь изменил.

* * *

С тобой проводит ночи 25-я весна...

СЕГОДНЯ УТРО ПРЕДНАЗНАЧЕНО ТЕБЕ, сегодня время предначертано — тобой, шальное солнце начинает свой разбег, как рыжий конь, оно летит на водопой и пьет из неба синеву, и ждет: пора — вдыхай свободу, просыпайся вместе с ним... Весна вплетает запахи в ветра — и день становится, как ты, необъясним. Смотри, высотки разделили горизонт, на наших улицах — цветы и суета, сегодня воздух отдает тебе озон, сегодня чувства расставляют по местам. Давай не будем сочинять других имен, давай не будем находить других причин. Ты слышишь, солнце? Рыжее. Мое. Ты слышишь? Просто улыбайся и молчи. Смотри, как я тебе играю — по словам, смотри как день сбывается — твоим: прийти, обнять, ладони целовать, любить, дышать... Потом поговорим, потом решим, каким он будет, мир — согнем в подкову, нам не привыкать. А этот день — храни его внутри, как теплый луч в пу-

шистых облаках. Мы можем все. Смотри, идет весна, дразня брусчатку острым каблуком, осталось просто в ней себя узнать, в нее поверить — честно и легко, ее принять — и видеть, как летит свободный конь, от всех оков спасен... Живи весной и выбирай пути.

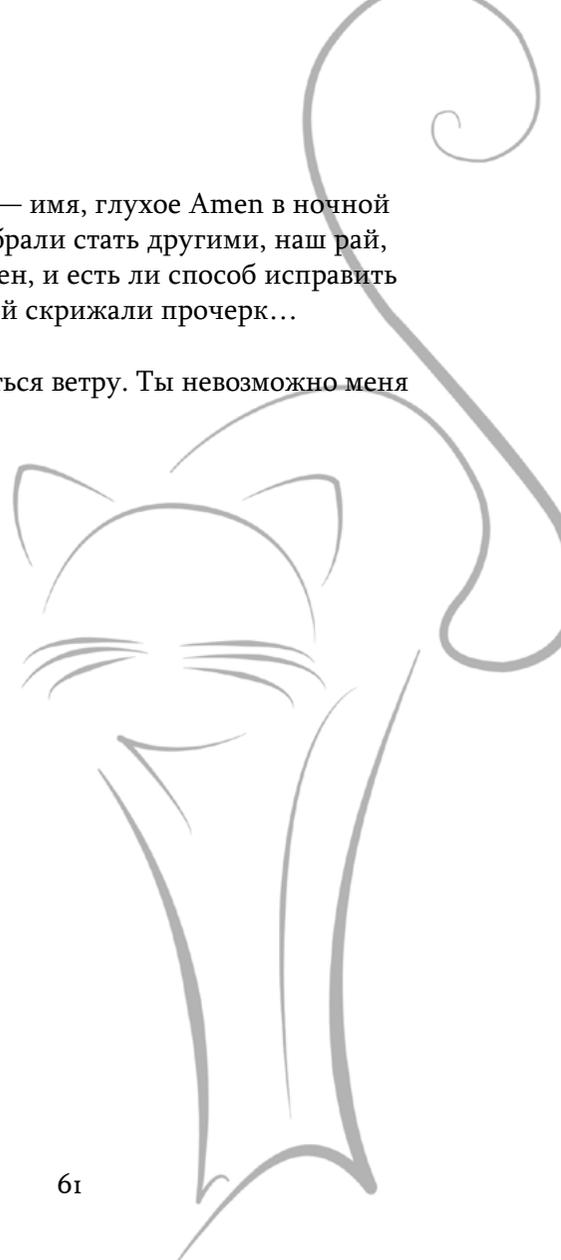
И не забудь, мы правда можем все.

* * *

КОГДА ЭТОТ ВЕТЕР ЗАКОНЧИТ МЕССУ и сядет, уставший, в пределе ночи, ты выйдешь из плена потертых кресел — туда, где ты слишком меня захочешь, на темную улицу преисподней — последний фонарь, перекресток, тополь, когда-то ты выбрала — быть свободной. Свобода твоя. Насладись. Попробуй. В бетонных конвертах домов желтеют чужие истории, судьбы, лица, на тротуарах танцуют тени, им просто страшно остановиться, кровавый след изможденной жертвы теперь — единственным средством связи, но он не совпал с направлением ветра, который по городу бродит в рясе. Иди, догоняй его, падай в ноги, проси отпущения всех и сразу. Приют одиноких, больных, убогих, лишая любви, возвращает разум. И в этом безвременье, межсезонье бессильны любые попытки выжить, и гордость становится невесомой, как будто Господь ее в землю выжал. На мокрой траве остаются слепки, Мефисто ворчит, выключает звезды. Держись за слова. Обреченно. Крепко. Держись за пропахший латынью воздух, за бархат портьеры, столетней пылью пропитанный больше, чем души — болью, *ad aras* — те, кто о них забыли, когда владели свободой воли. Те-

перь осталась молитва — имя, глухое Амен в ночной прохладе, когда мы выбрали стать другими, наш рай, как водится, был украден, и есть ли способ исправить это, заполнить в древней скрижали прочерк...

Ты будешь вечно молиться ветру. Ты невозможно меня захочешь.

Ночное

НОЧЬ ПРОХОДИТ — как заряд батареи трубки, и к утру окончательно сядет, сойдя на нет. Мы опять попытались собрать свои карты в руки, но для ставок не хватает уже монет. Слишком пусто в карманах — верни наизнанку, ты найдешь там окончания старых фраз. Не занять у другого, и не пойти ва-банк, и мы уже не играем. Видишь, играют в нас. Все слова обесценились, все, что имеет смысл — не озвучишь, не выдашь, не выстроишь в стройный текст. Ночь проходит факиром — босой по осколкам мыслей. Она может быть вечной. Если не надоеет. Мы не знаем друг друга. Мы слишком друг друга знаем. Это просто синонимы — выбрать и заменить. И у каждого место сердца — дыра сквозная. Каждый горд и успешен, избран и знаменит. И у каждого сто причин не пойти навстречу, и у каждого — инстинктивно — потребность жить. Ночь ложится неслышно — как будто ей станет легче — на горячие угли общей больной души. Мы стоим в тупике, из которого — вверх и в пропасть. Кто кого уничтожит, возвысит, рискнет вернуть?.. Мы друг друга сто раз пропускали вперед — попробуй.

Не поднимемся вместе к звездам — пойдем ко дну. Если б не было правил — все было бы очень просто. Вертикальный контекст. Проклятая память бьет. Я ведь знаю, как ты умеешь любить серьезно, когда каждой клеточкой чувствуется — твое, ты берешь людей — уверенно, не стесняясь, как художник выбирает карандаши...

Ты не можешь — это многое объясняет.

Я не верю — это многое и решит.

* * *

Мы обе вышли на поле брани...

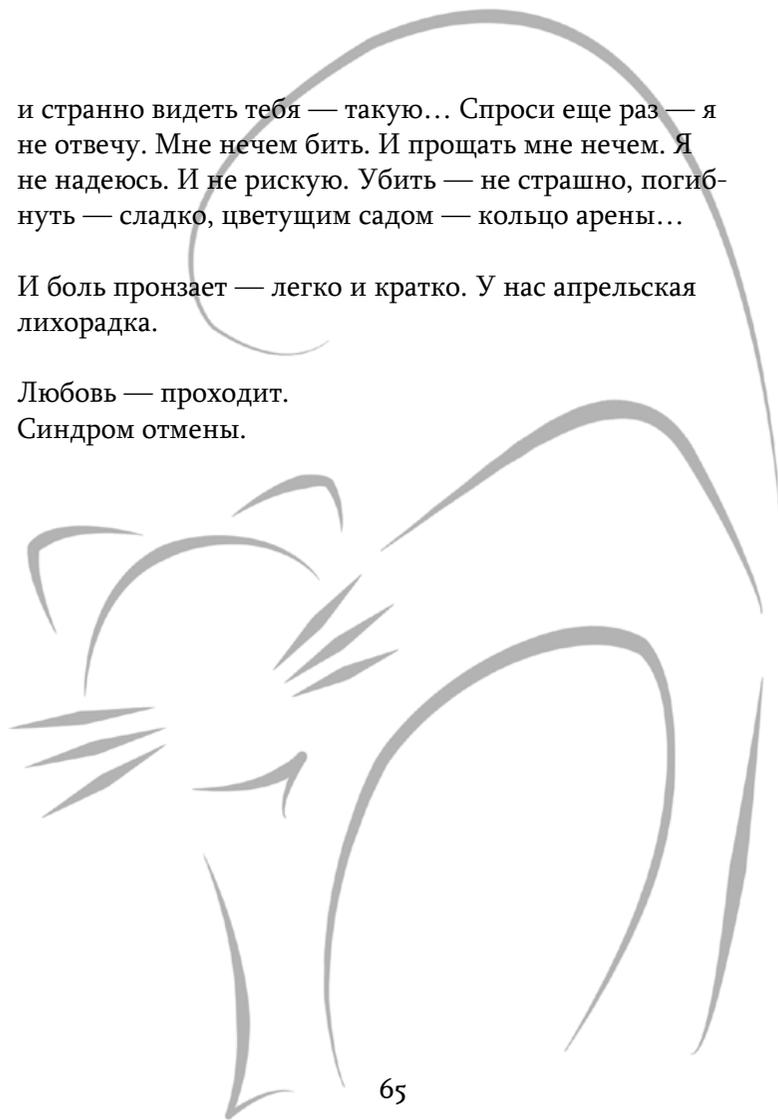
Яшка Казанова

У НАС АПРЕЛЬСКАЯ ЛИХОРАДКА — бесспорный признак, синдром расправы. Мы изменили свои повадки — я не целую тебя украдкой, а ты — не веришь, что все в порядке. И ты имеешь на это право. Мы пропускаем в дверях друг друга, в глаза не смотрим, пытаюсь смело заполнить паузу — смехом, звуком — так тетива на изломе лука звенит, когда отпускает стрелы. Так бьется хрупкая статуэтка — на сто фарфоровых элементов. У женщин, помнишь, свои секреты — играли часто, любили редко и, к сожалению, знали это. У женщин сила, свои приемы, своя война — до последней капли, война — в границах дверных проемов, пунктир падения и подъема... Мы не спасемся вдвоем, не так ли? И в честной схватке решится дело, и, может, станут яснее лица — кто падший ангел, кто светлый демон, кто продал душу, кто вынес тело, кто должен первым остановиться... Бой неизбежен — идем навстречу,

и странно видеть тебя — такую... Спроси еще раз — я не отвечу. Мне нечем бить. И прощать мне нечем. Я не надеюсь. И не рискую. Убить — не страшно, погибнуть — сладко, цветущим садом — кольцо арены...

И боль пронзает — легко и кратко. У нас апрельская лихорадка.

Любовь — проходит.
Синдром отмены.

* * *

НЕБО СИНЕЕ — КАК ГЛАЗА У НЕЗНАКОМКИ за барной стойкой, как холодный Blue Curacao с желтым зонтиком солнца, долькой апельсина и тонкой шпажкой, замурованной в лед случайно... Я звоню, чтоб сказать... Неважно. Умоляю, не отвечай мне. Мне же нечего будет — честно...

Здравствуй, чертово побережье, я рисую на ручке кресла это имя, которым брежу, от которого я сбежала, словно бабочка из коробки... Принесите мне книгу жалоб. Или лучше... налейте водки. Так гудками под шум прибоя жив эфир — словно в космос вышел, я звоню, чтоб побыть с тобою, и спасибо, что ты не слышишь, у тебя там, конечно, вечер, и семья наконец-то в сборе... Я хотела бы стать — да нечем. Только солнце, песок и море. И улыбки — фальшивым блеском недвусмысленных предложений. На земле не найдется места, где не чувствуешь притяженья, где способен забыть хоть что-то, просто вычеркнуть, раствориться. Я смотрю облаками в воду. Я боюсь тебе дозвониться. Нежно

дуло к виску приставишь, мне не выстоять в этой схватке...

— Да, алло?..

— Это я. Ты знаешь, тут так здорово...

Все в порядке.

* * *

ЗДЕСЬ СЛУЧАЕТСЯ ВЕЧЕР СО ВКУСОМ УТРА, здесь чужие запахи темных комнат, расставанье просчитано по минутам, словно ты ненадолго ушла из дома — прогуляться, выпить глянсе в кофейне, посидеть на скамейке в знакомом сквере... Ты вернешься с очередным трофеем — и поймешь, что кто-то захлопнул двери, что тебя не ждут, не встречают песней, незнакомый голос ответит: «Поздно»... Здесь становится жарче и интересней. Это яды весны проникают в воздух. Ты увидишь нервные, злые пальцы на ее сандалово — смуглой коже... Шторам лучше вовремя закрываться, чтоб запретной игрой не смущать прохожих. Ты услышишь эхом другое имя, прочитаешь новую рифму в тексте, твое счастье будет разбито ими — совпаденьями сотен несоответствий, непохожих на все, что вошло в привычку обладать таким невозможно нежным... Ты проснешься уставшая — как обычно. Сон бредовый — как и десяток прежних. Это солнце злится, дыра в озоне, напряженный график, восточный ветер.

Ты опять позвонишь, если будешь в зоне, ты опять позвонишь — и тебе ответят, голос будет близким — невыносимо: «Не скучай, дорогая, спокойной ночи...»

Только море покажется слишком синим — самым странным из прожитых одиночеств.

* * *

ВСТРЕЧА — СЮЖЕТОМ С БОЛЬШОГО ЭКРАНА, столик нас ждет в глубине ресторана, ладони в приветствии — дерзко и странно, но мы ведь не виделись тысячу лет. И пара веков, чтоб на это решиться, без подготовки — с тобой созвониться. Сколько сейчас нам? Полвечности? Тридцать? Сколько мы врозь умираем?..

— Привет.

— Привет. У тебя незнакомая стрижка...

— А ты не меняешься — стройная. Слишком. И в шелковом платье — немного мальчишка, такие же чертики пляшут в глазах...

— Как дети?

— Нормально. Как бизнес?

— Отлично.

Болтать о погоде, друзьях и привычках, но только ни слова о главном — о личном — глотать по слогам, чтобы вдруг не сказать. Чтоб вдруг не сломаться, когда между делом бретелька скользит по атласному телу, когда замирают ресницы несмело и нежно нога прикикает к ноге, когда разговор обрывается резко...

Бриллиант невозможного, редкого блеска...

— О чем это я? /о тебе/ О подвеске. А камни — хранители старых легенд. И в этом таится немало историй — о силе стихий, что отчаянно спорят, о теплом, далеком, мерцающем море, о наших следах на прибрежном песке...

— Бриллиант?.. /равнодушно/ — всего лишь подарок.

Я знаю, я помню — ни слова о старом. О чем-то грустят саксофон и гитара, и пульс камертоном им вторит в виске. За темной портьерой скрывается вечер, и в сумраке видеть становится легче, мы пьем за удачу и новые встречи, и память сочится по капле в вино...

— А помнишь тот поезд, купе иностранцев, а помнишь перроны заброшенных станций, и как невозможно хотелось остаться на самой далекой...

— И самой родной.

Овал виноградины — темный и спелый. Откуда такая внезапная смелость?.. Смущаться, краснеть и шутить неумело над тем, что свяшенно до самых глубин... Молчать невпопад и неловко смеяться, до хруста сжимаемая под скатертью пальцы...

— Что делать с разлукой?

— Ее не бояться. Не верь в расставание. Просто люби. Люби, не стирая поставленных меток, ты помнишь, как я умоляла об этом, и билась луна на кристаллики света и рассыпалась по влажной траве...

— Я помню.

И время уходит в пространство. Любимая, ближе! Любимая, здравствуй! Так память становится нашим лекарством, блуждая по руслу натянутых вен. Ты помнишь, как ночь бушевала в долине, и как мы будили змею кундалини, как на плечах наших линии лилий приобретали знакомый рельеф, помнишь, как мы прорастали друг в друга — губами, дыханием, взглядом и звуком?..

Искрится шампанское радужной вьюгой, и улыбается нам сомелье.

* * *

Бирюзой в серебре затихают волны, ювелирно точен рисунок мыса, море спит на ключицах Земли кулоном, словно знак бесконечность в оправу вписан, византийским узором ложатся камни на зеленый пояс лесных массивов, и Земля обнимает меня руками — так, что с ней расстаться невыносимо, невозможно — спяны воедино, гравитация плюс горизонт покоя. Я тиха, безмятежна, невозмутима, только небо какое-то не такое — чайка вьется в лазури и ищет что-то, и внезапно на миг замирает возле белоснежного следа от самолета, разделившего небо на «до» и «после».

* * *

Я скучаю по ней, скучаю...

НЕБО НИЗКОЕ, ЦВЕТА ПЕПЛА, я читаю афиши бегло, что за май — из мороза в пекло, город вытоптан на земле. Все трамваи в депо — по парам, ни к чему вспоминать о старом, déjà vu — колесо сансары в нами выбитой колее. Я иду — и маршрут не нужен, я тебя собираю в душу — по рисункам помад на кружках, по знакомым до слез духам... Ты мне пишешь — моя едва ли — из далеких своих Анталий, мы друг другом болеть устали и отправлены отдыхать. Мы сошли — под откос и мимо, разбирайся, кто был любимым, кто менял языки и климат, кто кого приравнивал к нулю. Рядом с нами другие лица, больше это не повторится, но отчаянно будет сниться нерожденное «я люблю». Мы — наследницы Cosa nostra. Я иду вдоль реки — на мостик, в разомлевшем асфальте острым каблучком оставляя след, по ступенькам — считать проступки, город сумеречный и хрупкий... Говорят, к этой длинной юбке не хватает лишь кастаньет. Я танцую фламенко. Ветер.

Две ладони сомкнуть и встретить пустоту — между ними — третьей, невозможность ее тепла... Катер спит на плече причала. Ты вернешься — начать сначала. Я давно тебя не встречала. Ты давно меня не звала. Пара быстрых шагов — и вечер, Paso Doble — тебе навстречу, ветер держит запястье крепче, ветер помнит: внизу — река...

Я скучаю еще, конечно, — слишком больно и слишком нежно, но меняюсь так неизбежно, что приходится привыкать.

* * *

И БУДЕТ ДЕНЬ МОЙ СВЯТЫМ И ТЕПЛЫМ —
По светлой глади, по руслам улиц,
И взглядом встретились — разминулись,
Как будто солнце попало в стекла,
Как будто эхо — звонком трамвая,
Случайным именем на афише...
Я начинаю мой город слышать,
Ему последнее отдавая —
Тебя, когда ты, бежишь по трапу,
Еще не веря, что не-любима ...
А город молча проходит мимо,
И, поклонившись, снимает шляпу.

СОДЕРЖАНИЕ

«Я скучаю по ней, скучаю...»	2
«Я приставлена к ней и хожу по пятам...»	4
«Память кружится в танце дервишей...»	6
«Ты любишь себя...»	7
«Ты не видишь меня в рваных джинсах...»	8
«Билеты на поезд — и просто уехать в Сочи...»	10
«Да, так проще, удобней, спокойнее по ночам...»	12
«Мне не надо спать с тобой, чтобы снится...»	13
«И не было от тебя звонков...»	14
«Кружись, моя ленточка...»	15
«Только верь мне...»	16
«Да, это больно. Да, это очень больно...»	18
«И почему мне больно...»	20
«А что тут пишется — для тебя ли и о тебе ли...»	21
«Если знаешь истину — научи...»	22
«А по городу ходит грипп, собирая дань...»	23
«Состояние — Вавилон...»	24
Кинестетическое	26
«Говорят, это странно, это необъяснимо...»	28
«Косноязычие стало уже привычной опцией...»	30
«Эта странная, теплая нежность...»	32
Lost and Delirious	34

«Я как terra incognita...»	36
«Если хочешь родиться...»	37
«Рэббит сидит и дует на крепкий чай...»	38
«Ты палиндром, ты все наоборот прочтешь...»	40
«Время пишет сценарий, стирая повторы...»	41
«Ши похожа на волка — измученный и голодный...»	42
Amantes sunt amantes	44
«Мы опять не имеем ни шансов, ни прав...»	45
«Я иду — по снегу, за снегом и вместе с ним...»	46
«Они думают, что всесильны...»	48
«А у нас сегодня срывается дождь...»	50
«Я чувствую миг, когда можно в тебя войти...»	51
«Ветер с севера гонит тучи...»	52
«Видите, доктор?»	54
«Мой город спит не с теми...»	56
«Снова с твоей подачи случится грусть...»	57
«Сегодня утро предназначено тебе...»	58
«Когда этот ветер закончит мессу...»	60
Ночное	70
«У нас апрельская лихорадка...»	64
«Небо синее — как глаза у незнакомки...»	66
«Здесь случается вечер со вкусом утра...»	68
«Встреча — сюжетом с большого экрана...»	70
«Бирюзой в серебре затихают волны...»	73
«Небо низкое, цвета пепла...»	74
«И будет день мой святым и теплым...»	76

Электронное издание
литературно-художественного произведения

Кот Басё

КИНЕСТЕТИЧЕСКОЕ

Редактор: **Мария Петелина**

Иллюстрации: **Виктория Безверхая,**
Дзисаи Кумохаку,
Валера Шафранов

Гений Фотошопа: **Дзисаи Кумохаку**

Макетирование: **Мефодий Кот**

Издание творческой группы «Мнимая единица»
все права защищены
2010

© Кот Басё, тексты, усы, лапы, хвост 2010
© Виктория Безверхая, иллюстрации, 2010
© Дзисаи Кумохаку, иллюстрации, 2010
© Валера Шафранов, иллюстрации, 2010
© Мефодий Кот, оформление, макет, 2010